

RU

Юбилей начдива Н. Д. Томина в 1987 году: кризис советской политики памяти в условиях Перестройки

Авдеенко А. Л.

Аннотация. Статья посвящена празднованию 100-летия со дня рождения героя Гражданской войны, начальника кавалерийской дивизии Н. Д. Томина (1886-1924) в Курганской области в 1987 году. Цель исследования – выявление характерных черт и внутренних противоречий позднесоветской модели коммеморации на примере празднования в Курганской области 100-летия со дня рождения Н. Д. Томина в 1987 году. На основе неопубликованных документов Государственного архива социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО) и материалов региональной периодической печати реконструированы институциональные механизмы подготовки юбилейной кампании, проанализированы формы визуализации и ритуализации памяти, определены причины неэффективности предпринятой попытки возрождения революционного мифа. Научная новизна состоит во введении в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных документов обкома и райкомов КПСС Курганской области, а также в применении методологического аппарата *memory studies* к анализу региональной юбилейной кампании периода Перестройки. Установлено, что командно-административная модель управления памятью к концу 1980-х годов утратила способность генерировать живой отклик в обществе. Выявлен разрыв между масштабом организационных усилий и реальным воздействием на общественное сознание, переживавшее глубокую трансформацию под влиянием политики гласности. Определено, что юбилейная кампания 1987 года стала одним из последних актов советской монументальной пропаганды в Курганской области, обнажившим фундаментальное противоречие между государственной монополией на память и утратой легитимности официальной идеологии.

EN

Division commander N. D. Tomin's jubilee in 1987: the crisis of Soviet memory politics during Perestroika

A. L. Avdeenko

Abstract. The article is dedicated to the 1987 celebration in the Kurgan Region of the 100th anniversary of the birth of Civil War hero and division commander Nikolai Tomin (1886-1924). The research aims to identify the characteristic features and internal contradictions of the Late Soviet commemoration model, using this regional anniversary as a case study. Based on unpublished documents from the State Archive of Socio-Political History of the Kurgan Region (GASPIKO) and regional periodicals, the study reconstructs the institutional mechanisms of the jubilee campaign, analyzes the forms of visualization and ritualization of memory, and determines the reasons for the failure of the attempt to revive the revolutionary myth. The scientific novelty lies in the introduction of previously unpublished archival documents from the regional and district committees of the Communist Party of the Soviet Union into scholarly circulation, as well as the application of the memory studies methodological framework to the analysis of a regional campaign during the Perestroika era. The study establishes that by the late 1980s, the command-administrative model of memory management had lost its ability to generate a live response in society. A gap was identified between the scale of organizational efforts and the actual impact on public consciousness, which was undergoing a profound transformation under the influence of Glasnost policy. The study concludes that the 1987 jubilee campaign was one of the final acts of Soviet monumental propaganda in the Kurgan Region, exposing the fundamental contradiction between the state monopoly on memory and the erosion of official ideological legitimacy.

Введение

Вторая половина 1980-х вошла в историю СССР как время трансформаций общественного сознания. Политика гласности открыла дискуссии о репрессиях, коллективизации и цене революции, что привело к распаду официального исторического канона. Советская модель исторической памяти, основанная на жестком

государственном контроле над символическим пространством и безусловной героизации революционного прошлого, столкнулась с вызовами, на которые она не могла дать адекватного ответа.

В Курганской области процесс принял особенно драматичный характер: консервативный партийно-государственный аппарат, привыкший к директивному управлению, столкнулся с новыми социальными реалиями. Регион обладал богатой революционной историей, и культ героев Гражданской войны занимал центральное место в его идеологическом пантеоне. Фигура Николая Дмитриевича Томина (1886-1924) – легендарного начдива, дважды кавалера ордена Красного Знамени, участника похода Блюхера по Уралу (1918), освободителя Кургана (1919), героя Волочаевского сражения (1922) – была канонизирована еще в 1920-е годы и к эпохе «развитого социализма» превратилась в один из главных символов региональной идентичности (сразу отметим, что в Советский период в регионе годом рождения Томина ошибочно считался 1887 год). Его именем называли улицы, школы, совхозы, музеи и пионерские дружины, ему ставили памятники и посвящали экспозиции во многих городах страны (Кочегин, 1972, с. 2). В этих условиях приближающееся 100-летие начдива воспринималось партийным руководством как событие первостепенной важности, способное вдохнуть новую жизнь в идеологическую работу и консолидировать население вокруг ценностей Октября. Однако реальные результаты этой масштабной кампании оказались далеки от ожидаемых, что ставит перед исследователем ряд принципиальных вопросов. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа механизмов дезинтеграции советского общества через призму политики памяти – области, которая на региональном уровне изучена недостаточно. Юбилейная кампания 1987 года в Курганской области – уникальный пример адаптации коммеморативных практик в период идеологического кризиса. Вопросы о провале «революционной романтики» и отчуждении общества от государственных символов значимы как для изучения позднего СССР, так и для современных исследований исторической памяти и идентичности.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

- во-первых, реконструировать институциональные механизмы подготовки и проведения юбилейной кампании 1987 года в Курганской области, выявив характерные черты директивной модели управления памятью;
- во-вторых, определить основные формы коммеморативных практик в рамках проводимой юбилейной кампании;
- в-третьих, выявить противоречия между официальным дискурсом юбилейной кампании и реальным состоянием общественного сознания в Курганской области в условиях гласности, определив причины неэффективности попытки возрождения революционного мифа.

Методология исследования опирается на принципы *memory studies*, изложенные в трудах М. Хальбвакса (2005) и П. Нора (Франция – память, 1999), а также на концепцию Эрика Хобсбаума (2000) «изобретения традиции», суть которой в установлении «новых праздников и общественных церемоний», поиске «новых героев и символов», массовом возведении памятников. Дискурс-анализ партийных документов ГАСПИКО (постановления, планы мероприятий, информации райкомов за 1967 и 1987 годы) и публикаций региональных газет «Советское Зауралье» и «Молодой ленинец» за 1967-1989 годы используется для выявления идеологических установок власти и внутренних противоречий официального нарратива в Курганской области. Сравнительно-исторический метод применяется для сопоставления коммеморативных практик 1960-х и 1980-х годов, что позволяет зафиксировать как элементы преемственности, так и признаки трансформации советской модели памяти.

Хронологические рамки исследования охватывают преимущественно 1987 год – от начала подготовки к юбилею (сентябрь) до проведения торжественных мероприятий (декабрь), с необходимыми экскурсами в предшествующий период формирования коммеморативной традиции и последующие события (конкурс на памятник Н. Д. Томину в Кургане, 1988-1989 годы), позволяющие оценить инерцию и пределы рассматриваемой модели коммеморации.

Теоретическая база исследования основывается на концепции «мест памяти» П. Нора (Франция – память, 1999), позволяющей рассматривать юбилейные мероприятия, памятники и музейные экспозиции как узловые точки формирования коллективной идентичности. Типология А. Ассман (2014), разграничивающая культурную и коммуникативную формы памяти, используется для анализа соотношения между официально конструируемой памятью и живыми воспоминаниями непосредственных свидетелей событий. Концепция Э. Хобсбаума (2000) об «изобретении традиций» применяется для интерпретации юбилейных ритуалов как целенаправленно конструируемых практик легитимации власти.

Важными в контексте настоящего исследования представляются работы, посвященные «юбилейным мобилизациям» как специфической форме коммеморативной практики. В. А. Шнирельман (2022) анализирует роль государственной политики памяти в конструировании исторических нарративов через систему памятных дат. П. И. Торопова (2025) на материале юбилеев Д. Н. Мамина-Сибиряка исследует механизмы актуализации исторической памяти посредством юбилейных кампаний, что методологически близко к задачам настоящей работы. Вместе с тем региональное измерение советских юбилейных кампаний, в особенности периода Перестройки, остается неизученным. Настоящая работа призвана частично восполнить этот пробел.

Материалы исследования включают: неопубликованные документы из фондов ГАСПИКО (Ф. 166 – фонд Курганского обкома КПСС, оп. 293, 353), в том числе более ранние материалы о коммеморативных практиках, связанных с именем Томина (Памятник Н. Д. Томину в Куртамыше, 1967); материалы региональной периодической печати – газет «Советское Зауралье» и «Молодой ленинец» за 1967-1989 годы; опубликованные документальные сборники (Краском Николай Тomin..., 1987) и краеведческие публикации (Кочегин, 1968; Устюжанин, Евдокимова, 1983).

Практическая значимость исследования определяется несколькими аспектами: во-первых, введение в научный оборот неопубликованных архивных документов ГАСПИКО расширяет источниковую базу для изучения позднесоветской культурной политики на региональном уровне; во-вторых, выявленные механизмы функционирования и распада советской модели коммеморации могут быть использованы при сравнительном анализе юбилейных кампаний различных исторических периодов, включая современность; в-третьих, результаты исследования применимы в образовательной практике – при разработке учебных курсов по истории СССР, краеведению Курганской области, а также в рамках музейной и экскурсионной деятельности; наконец, анализ причин неэффективности позднесоветской политики памяти представляет интерес для специалистов, занимающихся вопросами формирования исторической памяти и национальной идентичности в современных условиях.

Обсуждение и результаты

Институциональные механизмы и формы юбилейной кампании 1987 года в Курганской области

К декабрю 1987 года советская политика памяти в Курганской области – отлаженный, но уже утративший эффективность механизм, автоматически воспроизводивший коммеморативные практики, которые сложились в предшествующие десятилетия. Чтобы понять специфику юбилейной кампании 1987 года, необходимо кратко обратиться к ее предыстории – к тому, как формировалась и функционировала коммеморативная инфраструктура вокруг фигуры Н. Д. Томина в регионе.

Культ Томина начал складываться еще при жизни его соратников. Уже в 1925 году президиум Усть-Уйского районного исполнительного комитета постановил назвать местный сад именем Томина и создать в библиотеке посвященную ему комнату: «Пусть наши дети помнят о его завоеваниях» (Кочегин, 1972, с. 2). В 1926 году по предложению С. М. Буденного в Кулябе его именем назвали улицу, в 1929 году – колхоз на родине героя в с. Казачий Кочердык, в 1930 году – кавалерийскую бригаду Первой Конной армии (Кочегин, 1972, с. 2). Систематический характер коммеморация приобрела в 1960-е годы, когда усилиями краеведа и писателя П. З. Кочегина в Куртамыше был создан народный краеведческий музей имени Томина, а в 1965 году установлен памятник герою работы ленинградского скульптора П. М. Криворуцкого (Кочегин, 1968, с. 17; Устюжанин, Евдокимова, 1983, с. 179–180). К 50-летию Октябрьской революции в 1967 году Целинный райком Коммунистической партии Советского Союза (далее – КПСС) планировал «широко отметить 80-летие со дня рождения Н. Д. Томина», включая торжественные собрания, читательские конференции, оборудование музейного отдела и установку бюста (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 293, д. 296). В 1975 году в Кургане на базе среднего профессионально-технического училища (далее – СПТУ), которое носило его имя, был открыт памятник Томину, изготовленный А. И. Козыревым (Памятник Н. Д. Томину). Таким образом, к середине 1980-х годов в регионе уже существовала разветвленная институциональная сеть, включавшая музеи, памятники, обелиски, мемориальные доски, именные улицы, школы и совхозы – целая «география памяти», привязанная к имени Томина.

Именно на этот фундамент опиралась подготовка к столетнему юбилею, начавшаяся задолго до декабря 1987 года. Однако масштаб задуманного существенно превосходил все предыдущие кампании. Решением бюро обкома КПСС был создан областной организационный комитет, наделенный широкими полномочиями координировать деятельность партийных, советских, комсомольских, профсоюзных организаций, учреждений культуры и образования. Был разработан и утвержден детальный план мероприятий, предусматривавший действия на нескольких уровнях: областном, районном и низовом (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 1).

Анализ этого плана обнаруживает устойчивость командно-административной логики управления культурой: несмотря на провозглашенный курс на демократизацию и гласность, процесс организации юбилейной кампании строился на тех же принципах директивного планирования, что и в предшествующие десятилетия. Документ представляет собой образец директивного планирования позднесоветской эпохи, в котором каждому мероприятию присвоены конкретные сроки и ответственные исполнители. Областному управлению культуры предписывалось «изготовить значок с изображением силуэта Н. Д. Томина», «издать плакат и буклет», «подготовить текст лекций», «во всех музеях создать выставку о Н. Д. Томине, расширить экспозицию о нем в областном краеведческом музее, взять шефство над томинскими экспозициями в СПТУ № 9 и в школе № 34» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 1). Областному управлению кинофикации надлежало «рекомендовать во всех кинотеатрах (в т. ч. школьных) организовать просмотр документальных фильмов о Н. Д. Томине и его сподвижниках с выступлениями ветеранов» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 2). Облоно и управление профтехобразования обязывались «во всех школах и ПТУ провести томинские чтения» и «организовать экскурсии в областной краеведческий музей, музей СПТУ-9 им. Н. Д. Томина и филиал областного музея в г. Куртамыш» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 2). Областным газетам было предписано «систематически публиковать материалы о личности Н. Д. Томина, освещать подготовку к юбилею» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 3).

Показательна тщательность, с которой прорабатывались детали: определялись не только направления работы, но и конкретные фамилии исполнителей (Э. А. Самсонова, С. Ф. Базанов, А. А. Кудяшев, В. Ф. Аникейчик, А. Г. Меньшиков), а также точные месяцы исполнения каждого пункта плана (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 1–3). Партийный аппарат действовал в привычной модели тотального планирования: заранее определялись содержание библиографических указателей литературы о Томине, программы лекционных циклов при библиотеках, маршруты спортивных пробежек. Инициатива нижестоящих организаций если и допускалась, то лишь в строго очерченных рамках утвержденного сценария. Весьма показательна формулировка относительно городского отдела архитектуры: ему поручалось «определить место для установки в перспективе памятника Н. Д. Томину, а в юбилей – провести митинг и установить плиту» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 1).

Аналогичную директивную модель воспроизводили райкомы партии, отчитывавшиеся перед обкомом о ходе подготовки. Заведующий отделом пропаганды и агитации Куртамышского райкома КПСС Н. Кунгурова в информации от 3 ноября 1987 года докладывала, что «в районе создана юбилейная комиссия, разработан план мероприятий», комиссией за год «проведено 7 заседаний, где рассматривались вопросы выполнения мероприятий, заслушаны отчеты о подготовке к юбилею ответственных лиц» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 43). Из Целинного района заведующий отделом пропаганды А. Сулеменев сообщал, что «к этой дате в районе ведется большая краеведческая и воспитательная работа», включавшая публикации в районной газете, уроки памяти, краеведческую конференцию, исторический «Клуб веселых и находчивых» (далее – КВН) и встречу с писателем И. С. Доценко (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 56-57). Характерна формулировка: «Во всех школах района на уроках, во внеклассной работе учителя истории, классные руководители, пионерские вожатые широко используют собранный и опубликованный материал о Николае Дмитриевиче» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 56). Стандартная бюрократическая формула «широко используют» не давала никакого представления о реальном качестве и глубине работы, а служила лишь рапортом о формальном выполнении плана.

Система не предусматривала обратной связи, позволяющей корректировать содержание и формы коммеморации в зависимости от реальных запросов населения. Об этом свидетельствует сам характер отчетных документов: информации райкомов содержали исключительно количественные показатели проведенных мероприятий, но не включали данных об их восприятии участниками (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 43-45, 56-57).

Важнейшей характеристикой юбилейной кампании стала ее последовательная утилитаризация – превращение памяти о герое Гражданской войны в инструмент производственной мобилизации. Этот прием, укорененный в советской практике «социалистического соревнования», был воспроизведен в 1987 году с особой интенсивностью. В колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях Куртамышского района были «разработаны условия социалистического соревнования по достойной встрече юбилея героя» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 43). Соревнование охватывало как коллективы, так и отдельных тружеников. По его итогам, подведенным в начале декабря 1987 года, «10 коллективов и 12 лучших тружеников удостоены Почетных грамот и памятных призов» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 38).

Текст юбилейного доклада содержал подробные сведения о победителях соревнования, превращая торжественное мероприятие в своеобразный производственный рапорт. Перечислялись конкретные показатели: комбайнер совхоза «Приречный» Н. С. Азисев «выдал из бункера своего комбайна более 6 тысяч центнеров зерна», механизатор колхоза имени Кирова А. В. Обанин «вспахал на тракторе К-700 более тысячи гектаров зяби», чабан совхоза имени 50-летия СССР А. П. Поляков «обеспечил настриг с каждой овцы по 7,6 килограмма шерсти при обязательстве 5,6 килограмма» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 39). Память о красном комбриге буквально конвертировалась в центнеры зерна, гектары зяби и килограммы шерсти. Фраза из доклада «Давайте поприветствуем этих тружеников, новаторов и передовиков производства» органично вплеталась в канву «памятного» мероприятия, стирая границу между юбилеем исторической личности и отчетным собранием сельскохозяйственных работников (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 39).

Эта утилитаризация памяти опиралась на многолетнюю традицию. Еще в 1967 году, к 50-летию Октября и 80-летию Томина, Куртамышский райком планировал «развернуть социалистическое соревнование», одновременно сооружая «аллею Победы» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 293, д. 297, л. 181-182). Однако если в 1960-е годы этот механизм еще обладал определенной мобилизационной силой, поскольку существовал относительный консенсус вокруг советских ценностей, то к концу 1980-х он превратился в пустую ритуальную форму. Архивные документы, при всей своей бюрократической гладкости, косвенно фиксируют эту трансформацию. Информация Куртамышского райкома скрупулезно перечисляла производственные достижения победителей, но не содержала ни слова о том, как сами труженики воспринимали связь своего труда с именем Томина, вызывало ли это у них вдохновение или безразличие (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 43-44). Молчание документов в данном случае красноречивее любых слов: система была ориентирована на количественные показатели «охвата», а не на качественную оценку воздействия.

Характерен и тот факт, что даже музейная работа – казалось бы, наиболее содержательная часть кампании – описывалась преимущественно в количественных терминах. Так, о Куртамышском музее сообщалось: «...за 27 лет существования его залы посетило около 60 тысяч человек», он «располагает более 11-ю тысячами архивных документов, на его стендах и витринах представлено около 5 тысяч экспонатов», «в текущем году музеем проведено около двухсот “томинских” экскурсий» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 44). Это позднесоветская статистика эффективности, в которой посещаемость подменяла воздействие, а количество экскурсий – глубину понимания. Вместе с тем нельзя отрицать, что музей действительно играл заметную роль в общественной жизни района: «В Томинском зале вручаются партийные и комсомольские билеты, проводятся собрания коммунистов и комсомольцев, пионерские сборы, занятия школ в системе марксистско-ленинского образования» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 44). Музей функционировал как сакральное пространство, но его сакральность к этому времени держалась не на живой вере, а на административном принуждении.

Особого внимания заслуживает роль отдельных энтузиастов, чья деятельность выходила за рамки бюрократического ритуала. Прежде всего это П. З. Кочегин, «который провел поистине подвижническую работу по увековечиванию памяти нашего замечательного земляка» и подготовил к юбилею сборник «Краском Николай Томин» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 38; Краском Николай Томин..., 1987). Это и художник Н. П. Устюжанин, «более 20 лет отдавший томинской теме» (Безрукова, 1987, с. 3).

Таким образом, институциональная основа юбилейной кампании 1987 года воспроизводила позднесоветскую модель директивного управления памятью, дополненную механизмом утилитарной мобилизации. Живая деятельность отдельных энтузиастов – П. З. Кочегина, Н. П. Устюжанина и других – была при этом вписана в бюрократическую систему отчетности и использовалась в качестве доказательства «широкой общественной поддержки» юбилея. Эта модель обеспечивала впечатляющие количественные показатели «охвата», однако была неспособна генерировать живой отклик в обществе, переживавшем глубокую трансформацию ценностных ориентиров.

Формы визуализации памяти и попытка обновления коммеморативного дискурса

О стремлении организаторов обновить формы коммеморации свидетельствует включение в программу юбилея мероприятий, нехарактерных для предшествующих кампаний: спортивных пробегов, театрализованных представлений, выпуска сувенирной продукции (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 1-2). Эти усилия развивались в нескольких направлениях: расширение визуального и монументального присутствия героя в городском пространстве, театрализация и зрелищность мероприятий, использование средств массовой информации и, наконец, попытка вписать образ Томина в актуальную повестку Перестройки.

Монументальная составляющая кампании была одной из наиболее масштабных и амбициозных. Программа включала целый ряд проектов, призванных визуализировать память о герое и закрепить ее в физическом пространстве региона. В октябре 1987 года в парке Победы Кургана была торжественно заложена березовая аллея в честь Н. Д. Томина. Газета «Советское Зауралье» описала событие в торжественном тоне: «Духовой оркестр, бодро исполнявший мотивы песен и марши времен Гражданской войны, подымал у всех собравшихся настроение, создавая торжественность от предстоящего воздаяния памяти героя-земляка» (Скоблин, 1987, с. 4). Описание митинга, предшествовавшего посадке, включало выступления ветерана войны И. А. Ваганова и «в недавнем прошлом воина-интернационалиста» Анатолия Гонцева, что отражало стремление организаторов выстроить символическую преемственность поколений: герой Гражданской войны – ветеран Великой Отечественной – участник афганской войны (Скоблин, 1987, с. 4). Заметка завершалась характерным для эпохи патетическим призывом: «И как хотел бы, чтобы в каждом городе и селе области были заложены такие же аллеи в память о тех, кто положил жизнь свою, защищая великие завоевания Октября» (Скоблин, 1987, с. 4).

Кульминацией монументальных проектов стало открытие памятника Томину на его родине в селе Казак-Кочердык 16 декабря 1987 года, в день столетия героя. Информация Целинного райкома подчеркивала, что это «торжественное открытие памятника Н. Д. Томина и митинг трудящихся в честь 100-летия со дня рождения» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 57). В тот же день в Куртамыше была открыта мемориальная доска на улице имени Томина. Газетный репортаж воссоздает атмосферу ритуала: «Право открыть памятный знак предоставлено ветерану Гражданской и Великой Отечественной войн, человеку, лично знавшему Томина, Александру Григорьевичу Жукову», затем – «минута молчания» и «слово полпредам поколений – писателю П. З. Кочегину, курсанту Курганского высшего военно-политического авиационного училища (далее КВВПАУ. – А. А.) Николаю Огненко и учащейся Куртамышской школы-интерната, носящей имя Томина, Свете Широковой», после чего «под звуки Гимна СССР и боевого салюта возлагается гирлянда славы» (Безрукова, 1987, с. 3).

Помимо памятников и аллей, план мероприятий, рассмотренный выше, предусматривал целый комплекс визуальных проектов. Их практическая реализация нашла отражение в отчетах райкомов: в Куртамышском районном Доме культуры открылись две выставки (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 1-2, 45).

Стремление к визуализации и «оживлению» памяти проявилось и в использовании мемориальных предметов, призванных создать эффект присутствия – сократить дистанцию между историческим персонажем и современным зрителем. Газетный репортаж из Куртамыша подробно описывал личные вещи героя, экспонировавшиеся в музее: «серебро на синем бархате, уздечка с любимого коня Васька, наградные часы», «нарядно вышитое беленое полотенце, кисет – заботы Анны Ивановны», привет с фронта – «Дорогие мама и Нюся! Шлю привет и поздравления с Новым годом...» (Безрукова, 1987, с. 3). Автор статьи Л. Безрукова использовала приемы «очеловечивания» героя, воспроизводя детали его быта и характера: «Был и прежде развешенный приказчик купца Завьялова Томин большим книголюбом: читал Лермонтова, Никитина, Мамина-Сибиряка и, конечно, Ленина» (Безрукова, 1987, с. 3); «Уголок дома Томиных в Куртамыше дышит теплом и заботой умелых женских рук, еще более приближая к нам Томина-человека, увековечивает и гражданский подвиг его вдовы, сохранившей для нас архив революционного полководца» (Безрукова, 1987, с. 3). Этот нарратив «живого человека» из народа, противопоставленный образу «бронзового идола на пьедестале», представлял собой попытку обновления дискурса в рамках прежней парадигмы.

Заметную роль в юбилейной кампании играли зрелищные и массовые формы коммеморации, призванные придать ей динамизм и привлечь молодежную аудиторию. План предусматривал «спортивно-пропагандистский пробег Курган – Куртамыш с привлечением курсантов КВВПАУ» и «спортивные соревнования среди коллективов и учебных заведений на приз им. 100-летия Н. Д. Томина» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 2). В Куртамыше «в августе сотни горожан участвовали в празднике улицы Н. Д. Томина» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 45). В день юбилея в Доме культуры было организовано «театрализованное представление» – спектакль «Гордый всадник революции», сценарий которого входил в состав того же архивного дела (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 1). Для школьников и молодежи проводились «томинские чтения», краеведческие конференции, читательские конференции по книгам о Томине, исторический КВН (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 56-57). При районном Доме пионеров в Куртамыше был создан краеведческий клуб «Томинец» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 45).

Значительное место в кампании отводилось средствам массовой информации. Газета «За изобилие» (Куртамышский район) опубликовала «более тридцати материалов» о Томине, были подготовлены радиопередачи и юбилейная телепередача на базе материалов музея (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 45). В газете «Голос целинника» были напечатаны статья директора Целинного музея М. М. Дружковой «Человек орлиного племени» и повесть И. С. Доценко «Легендарный комбриг» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 56). Газеты «Советское Зауралье» и «Молодой ленинец» систематически публиковали материалы, как это было предписано планом (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 3). Особо отмечалась «признательность за поиск и публикацию новых материалов о зауральском комбриге Владимиру Плющеву» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 39).

Помимо газетных публикаций, к юбилею были подготовлены издания разного формата. Южно-Уральское книжное издательство выпустило документальный сборник «Краском Николай Томин» (Краском Николай Томин..., 1987). Министерство связи СССР выпустило второй почтовый художественный маркированный конверт с портретом Томина (первый был издан в 1964 году) (Гендель, 1988, с. 4). Филателист В. Гендель (1988, с. 4) в газетной публикации демонстрировал, как образ Томина может быть вписан в контекст советской марочной продукции через связи с Маршалами Советского Союза В. К. Блюхером и М. Н. Тухачевским, Волочаевской операцией (1922). Все эти формы визуализации должны были обеспечить всепроникающее присутствие имени героя в информационном пространстве региона.

Особый интерес представляет попытка организаторов вписать фигуру Томина в актуальный контекст Перестройки. Юбилейный доклад, зачитанный на торжественном собрании 16 декабря, завершился призывом: «...наша с вами, уважаемые товарищи, огромной важности задача – доносить до каждого юного сердца истоки великой истории нашей Родины, нашей партии, ее замечательных и самоотверженных зодчих – наших героических соотечественников и земляков» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 37). Цитировался М. С. Ольминский: «Нельзя жить без прошлого, без знания своей истории, и нельзя знать истории, не зная ее деятелей» (Личные фонды...). Образ Томина подавался как воплощение «подлинного» большевизма, его ценностей – честности, скромности, близости к народу. Цитата Блюхера, неоднократно воспроизводившаяся в различных материалах, акцентировала именно эти качества: «Он был человеком изумительной честности, беспредельной храбрости» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 293, д. 297, л. 141; Памятник Н. Д. Томину в Куртамыше, 1967, с. 2). В контексте перестроечной борьбы с «бюрократизмом» и «командно-административной системой» этот образ должен был резонировать с лозунгами «очищения социализма» и «возвращения к ленинским нормам».

Вместе с тем при всей внешней новизне форм содержание коммеморации оставалось в рамках прежней парадигмы. Анализ текста юбилейного доклада и газетных публикаций показывает, что образ Томина не подвергался никакому критическому переосмыслению (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 37-39; Безрукова, 1987, с. 3). Доклад и газетные статьи оперировали привычным кодом: «красные» против «белых», «народ» против «эксплуататоров». Гражданская война изображалась исключительно как справедливая борьба трудового народа за свободу, а Томин – как ее идеальное олицетворение.

Показательна в этом отношении реакция читателей на монументальные проекты. Письмо Н. Мочаловой в газету «Советское Зауралье», опубликованное 28 ноября 1987 года, обнаруживает любопытный сдвиг в восприятии исторической топонимики: читательница предлагала «поставить памятник герою в парке Победы в Кургане и создать там аллею Героев – наших замечательных земляков», одновременно возражая против переименования села Казак-Кочердык в Томино: «Ведь в его названии – история. Исчезнет старое – исчезнет и что-то от прошлого» (Мочалова, 1987, с. 2). Это высказывание примечательно: жительница Кургана, очевидно, лояльная к советским ценностям, тем не менее интуитивно сопротивлялась идеологическому переименованию, апеллируя к «исторической» памяти, альтернативной революционной. Здесь уже проглядывало новое отношение к прошлому, еще не вербализованное в категориях «гласности», но уже содержащее зерно конфликта между разными типами памяти.

Еще более показательным для понимания реального отношения общества к юбилейной кампании стал эпизод с конкурсом на памятник Томину в Кургане, объявленным в 1988 году, уже после юбилея. Горисполком принял решение о сооружении конного памятника «в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР» (Василенко, 1988, с. 4). Был создан оргкомитет, утверждено положение о конкурсе, открыт счет для добровольных пожертвований. Однако констатация оргкомитета, прозвучавшая годом позже: «К сожалению, бурно идет одно лишь обсуждение – поступлений денежных средств почти нет» (Каким быть памятнику, 1989, с. 3). Этот факт свидетельствовал о реальном состоянии общественной поддержки проекта. Население активно участвовало в дискуссии о месте установки в створе улицы Томина на берегу Тобола, перед зданием горсовета, в парке Победы, но не готово было вкладывать в него собственные средства. Память о герое оставалась «государственным делом», которое граждане не воспринимали как свое (в отличие от памятника 1975 года, где студенты и жители принимали активное участие в сборе средств).

Противоречия между официальным дискурсом и общественным сознанием: кризис рецепции юбилейной кампании

Несмотря на колоссальные организационные усилия, охватившие все уровни партийно-государственной вертикали, юбилейная кампания 1987 года обнаружила глубокий разрыв между масштабом организационной мобилизации и ее реальным воздействием на общественное сознание. Этот разрыв, зафиксированный как в самих архивных документах, так и в газетных публикациях, свидетельствовал о системном кризисе советской модели коммеморации, неспособной генерировать живой отклик в обществе, переживавшем стремительную трансформацию ценностных ориентиров.

Прежде всего следует отметить, что сами партийные документы, при всей своей бюрократической безукоризненности, содержат косвенные, но весьма выразительные свидетельства кризиса. Тексты информации и отчетов райкомов оперируют исключительно количественными показателями (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 44, 45, 57).

Между тем ряд косвенных свидетельств – провал сбора добровольных пожертвований на памятник, содержательная однообразность мероприятий, характер газетной дискуссии – указывал на нарастающее отчуждение населения от навязываемых сверху форм коммеморации. Это отчуждение было не случайным, а системным. Оно коренилось в фундаментальном противоречии между официальным нарративом юбилейной кампании и реальным состоянием общественного сознания конца 1980-х годов. Юбилейный дискурс оперировал кодом Гражданской войны – «красные» против «белых», «трудовой народ» против «эксплуататоров» – и не допускал никакого его усложнения. Доклад на торжественном собрании завершался призывом «доносить до каждого юного сердца истоки великой истории нашей Родины, нашей партии» (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 37). Газетные публикации воспроизводили канонический образ героя: «Наш Томин... Так называют его и в Оренбурге, и на Урале, и в далеком Кулябе, давшем ему последний приют. Не погас огонь народной памяти» (Безрукова, 1987, с. 3).

Примечательно, что авторы газетных публикаций, сами того не замечая, обнаруживали трещины в официальном нарративе. Статья П. З. Кочегина (1972) «Имени героя-земляка» содержала примечательную деталь: описывая визит в Куляб, он рассказал, как два молодых таджика переспросили: «К нашему Томину?», – и с воодушевлением заключил: «Таджики считают Томина своим: земля, которая родила героя, и земля, которая его приняла, является его родной землей» (Кочегин, 1972, с. 2). Однако к концу 1980-х эта идиллическая картина «дружбы народов», объединенных памятью о красном комбриге, стремительно разрушалась. Статья Г. Шерматова (2019), написанная позднее, зафиксировала совершенно иную реальность: «В лихие 90-е годы памятник легендарному комбригу был снесен, а могила осталась на старом месте, и сегодня многие жители Куляба не знают, что в небольшом скверике, в центре города под безымянной плитой лежит прославленный комбриг... Сегодня к комбригу больше никто не пишет и не приезжает» (Шерматов, 2019). Разумеется, в 1987 году эта перспектива казалась немыслимой, но логика событий уже вела именно к такому исходу: советская коммеморативная конструкция держалась на государственной воле и бюджетных средствах, а не на живой памяти, и с исчезновением государства неминуемо обрушивалась.

Анализ юбилейной кампании обнаруживает еще одно существенное противоречие: между формальной масштабностью мероприятий и их содержательной однообразностью. Информации райкомов создают впечатление колоссальной активности – десятки мероприятий, сотни публикаций, тысячи участников. Однако содержание всех этих мероприятий было, по существу, одинаковым: воспроизводился один и тот же набор фактов из биографии Томина, одни и те же цитаты Блюхера и Буденного, одна и та же героическая схема (ГАСПИКО, ф. 166, оп. 353, д. 217, л. 37-39, 56-57). Эта шаблонность неизбежно вела к информационной инфляции: в условиях, когда одно и то же повторяется повсюду – в музее, на собрании, в газете, на радио, в школе, – сообщение утрачивает свою ценность и перестает восприниматься аудиторией.

Вместе с тем было бы несправедливо сводить всю кампанию исключительно к бюрократическому формализму и констатировать только кризис. Документы свидетельствуют о том, что в юбилейных торжествах участвовали люди, для которых имя Томина было наполнено подлинным смыслом. Это, прежде всего, ветераны и краеведы – П. З. Кочегин, А. Г. Жуков, сотрудники областных и краеведческих музеев, местный художник Н. П. Устюжанин. Их деятельность представляла собой форму искренней, органической памяти, укорененной в локальной идентичности и личных связях. Однако эта живая память была вписана в бюрократическую рамку и использовалась властью инструментально – как доказательство «широкой поддержки» и эффективности идеологической работы. Парадокс заключался в том, что государственная машина, монополизировавшая право на память, одновременно обесценивала подлинные проявления этой памяти, превращая их в элементы отчетности.

В более широкой перспективе кризис юбилейной кампании 1987 года отражал исчерпанность мобилизационного ресурса всей советской модели коммеморации. Эта модель была основана на нескольких принципах: государственной монополии на историческую истину, директивном управлении символическим пространством, утилитарном использовании памяти для экономической и идеологической мобилизации, канонизации ограниченного пантеона героев, поддержании кода «свои – чужие». Каждый из этих принципов к концу 1980-х годов находился под давлением. Государственная монополия на истину рушилась под напором гласности. Директивное управление наталкивалось на растущее безразличие и пассивное сопротивление населения. Утилитарная мобилизация теряла смысл в условиях экономического кризиса и дефицита. Канонические герои блекли на фоне «возвращенных имен» – жертв репрессий и забытых деятелей. Код «свои – чужие» подвергался сомнению в условиях нарастающего плюрализма.

Показательно, что уже вскоре после юбилея – в 1988-1989 годах – дискуссия о памятнике Томину в Кургане обнаружила совершенно новые тенденции. Читатели газеты «Советское Зауралье» активно обсуждали не столько личность героя, сколько вопросы городского пространства: где поставить, как он будет смотреться на фоне застройки, не помешает ли существующим памятникам (Попов, 1988, с. 3; Каким быть памятнику, 1989, с. 3). Архитекторы рассуждали о «масштабных и архитектурных решениях», о «каскаде площадей» (Каким быть памятнику, 1989, с. 3). Память о герое незаметно отодвигалась на второй план, уступая место прагматическим соображениям городского планирования. Памятник так и не был воздвигнут – и этот незавершенный проект стал своего рода метафорой незавершенности самой советской модели памяти, которая не успела сложиться в новых формах, прежде чем система, породившая ее, прекратила свое существование.

Заключение

Проведенный анализ юбилейной кампании 1987 года в Курганской области позволяет сформулировать следующие выводы, соотносимые с поставленными задачами исследования.

В рамках первой задачи – определения теоретических оснований – установлено, что концепции «мест памяти» (Франция – память, 1999), культурной и коммуникативной памяти (А. Ассман, 2014) и «изобретения традиций» (Э. Хобсбаум, 2000) продуктивны для анализа позднесоветских юбилейных кампаний и позволяют выявить механизмы, скрытые за фасадом официальной риторики.

В рамках второй задачи – реконструкции институциональных механизмов и форм коммеморации – выявлена устойчивость командно-административной модели управления памятью, не затронутой провозглашенным курсом на демократизацию. Подготовка к юбилею строилась на принципах директивного планирования с поименным закреплением ответственных и помесечной разбивкой сроков. Параллельно память о герое последовательно подчинялась задачам экономической мобилизации через механизм социалистического соревнования, что к концу 1980-х годов полностью исчерпало свой ресурс. Попытки обновления форм коммеморации через зрелищные мероприятия, визуализацию и «очеловечивание» образа героя не затронули содержания: Гражданская война не проблематизировалась как национальная трагедия, код «свои – чужие» воспроизводился без изменений.

В рамках третьей задачи – выявления противоречий между официальным дискурсом и общественным сознанием – зафиксировано нарастающее отчуждение общества от навязываемых форм памяти. Оно проявилось не в открытом протесте, а в формах пассивного неучастия: отсутствии добровольных пожертвований на памятник при активном обсуждении его проекта, содержательной однообразности мероприятий, смещении публичной дискуссии от личности героя к прагматическим вопросам городского планирования. Памятник Томину в Кургане так и не был воздвигнут, что стало метафорой незавершенности самой советской модели памяти.

Юбилей 1987 года обнажил фундаментальное противоречие позднесоветской коммеморации: между государственной монополией на память и утратой государством легитимности в глазах общества. Вместе с тем анализ позволяет увидеть и другой пласт, органическую память энтузиастов-краеведов, укорененную в локальной идентичности. Однако государство, монополизировавшее право на память, использовало эти проявления инструментально, одновременно их обесценивая.

Перспективы исследования связаны с расширением хронологических рамок, анализом трансформации памяти о Н. Д. Томине в постсоветский период, а также со сравнительным изучением аналогичных юбилейных кампаний в Курганской области, соотносимых с известными земляками и крупными политическими деятелями.

Материалы исследования | Research materials

1. Безрукова Л. Дорога памяти // Советское Зауралье. 1987. 19 декабря.
2. Василенко Л. Будет памятник Н. Д. Томину // Советское Зауралье. 1988. 23 октября.
3. Гендель В. Н. Д. Томин в филателии // Советское Зауралье. 1988. 5 января.
4. Каким быть памятнику // Советское Зауралье. 1989. 19 апреля.
5. Кочегин П. Имени Героя-земляка // Советское Зауралье. 1972. 16 декабря.
6. Краском Николай Томин: сборник воспоминаний и документов к 100-летию со дня рождения / сост. В. М. Костров и др. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1987.
7. Личные фонды участников Октябрьской революции в Государственном архиве Российской Федерации. <https://statearchive.ru/866>
8. ГАСПИКО – Материалы подготовки и проведения торжественного заседания, посвященного 100-летию со дня рождения Н. Д. Томина – легендарного комбрига. (План мероприятий. Доклад. Сценарий спектакля «Гордый всадник революции») // Государственный архив социально-политической истории Курганской области. Ф. 166. Оп. 353. Д. 217. 57 Л.
9. ГАСПИКО – Мероприятия райкомов КПСС, учреждений и организации // Государственный архив социально-политической истории Курганской области. Ф. 166. Оп. 293. Д. 296. 168 Л.
10. Мочалова Н. В память о Томине // Советское Зауралье. 1987. 28 ноября.
11. Памятник Н. Д. Томину в Куртамыше // Молодой Ленинец. 1967. 20 января.
12. Памятник Н. Д. Томину. <https://2gis.ru/kurgan/geo/1408070668255237>
13. Попов М. О памятнике Н. Д. Томину в Кургане // Советское Зауралье. 1988. 11 ноября.
14. Скоблин Ю. Аллея в честь Н. Д. Томина // Советское Зауралье. 1987. 11 октября.
15. Шерматов Г. Комбриг, которому никто не пишет. 2019. <https://ok.ru/gafur.shermatov/statuses/69927516992893>

Источники | References

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Кочегин П. З. Исторические памятники в городе Куртамыш: Путеводитель по историческим местам и памятникам г. Куртамыш Курганской области. Куртамыш, 1968.

3. Торопова П. И. Источники по изучению юбилейных мероприятий в мемориальном музее (на примере 100-летнего юбилея Д. Н. Мамина-Сибиряка) // Документ в современном обществе: место и роль в формировании бюрократических систем управления: материалы XVIII Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 11-12 апреля 2025 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025.
4. Устюжанин Г. П., Евдокимова М. А. Родная улица моя. Изд-е 2-е, перераб., доп. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1983.
5. Франция – память / пер. с фр. под ред. Д. Хапаевой; сост. и общ. ред. П. Нора. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40).
7. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1.
8. Шнирельман В. Великие даты, или Как государственная политика памяти конструирует историю // Versus. 2022. Т. 2. № 5. <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2022-2-5-124-151>

Информация об авторах | Author information

Авдеенко Алексей Леонидович¹

¹ Курганский государственный университет

Alexey Leonidovich Avdeenko¹

¹ Kurgan State University

¹ avdeenkoalexey@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.03.2026; опубликовано online (published online): 21.04.2026.

Ключевые слова (keywords): политика памяти; коммеморативные практики; Н. Д. Томин; Курганская область; юбилейная мобилизация; memory politics; commemorative practices; N. D. Tomin; Kurgan Region; jubilee mobilization.